

ЛОУРЕНС РИС

НАЦИСТЫ

**ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
ИСТОРИИ**

18+

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Преступления против человечества

Лоуренс Рис

**Нацисты.
Предостережение истории**

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

Рис Л.

Нацисты. Предостережение истории / Л. Рис — «Азбука-Аттикус», 2005 — (Преступления против человечества)

ISBN 978-5-389-14365-4

На протяжении 16 лет Лоуренс Рис встречался с многочисленными очевидцами и участниками событий Второй мировой войны, в том числе и с бывшими нацистами, нашедшими прибежище в разных странах мира, и брал у них интервью. Итогом этой титанической работы стал многосерийный документальный фильм телеканала ВВС «Нацисты: Предостережение истории», который получил целый ряд престижных международных наград и считается одним из самых знаменитых в истории документального кино. Написанная по мотивам фильма книга является самостоятельным и значительным историческим трудом и рассказывает о бесчисленных преступлениях против человечества, совершенных нацистами разных рангов. Существенное место в книге отведено злодеяниям гитлеровцев в ходе войны с Советским Союзом.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-14365-4

© Рис Л., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

От издательства	6
Введение	8
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лоуренс Рис

Нацисты. Предостережение истории

Copyright © Laurence Rees 2005

© Козлова М., Кальниченко А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

*Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch
in dich hinein.*

*(И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит
в тебя.)*

Фридрих Ницше, «По ту сторону добра и зла.

Прелюдия к философии будущего»

От издательства

Уважаемый читатель,

перед Вами книга, которая неминуемо вызовет сильные и противоречивые чувства. Она написана видным английским историком, рассчитана изначально на западного читателя и, безусловно, содержит в себе большинство сложившихся на Западе стереотипов в восприятии и оценке событий Второй мировой войны, в том числе и самых драматических.

Автор книги, Лоуренс Рис, много лет проработал креативным директором исторических программ BBC, снял серию научно-популярных фильмов о Второй мировой, написал книги, пользующиеся успехом и опубликованные большими тиражами.

Немало зарубежных зрителей и читателей взглянули на трагические военные события сквозь призму представленных им материалов. Многие российские зрители успели посмотреть программы, снятые на эту тему BBC под руководством Риса.

Мы считаем важным предоставить и нашим читателям возможность ознакомиться с видением нашими союзниками по той войне причин и следствий глобальной катастрофы под названием «нацизм».

Задачи, которые автор ставил перед собой, работая над проектами, безусловно, глубоко гуманистические – развенчание нацизма, осуждение его злодеяний. В книге «Нацисты: Предостережение истории» изложены факты, свидетельствующие о трагических последствиях нацизма не только для тех, против кого была направлена его безжалостная разрушительная сила, но и о катастрофических результатах для самих нацистов, его приверженцев и вдохновителей, для фашистской Германии, где он стал государственной идеологией.

Выразительными художественными средствами автор призывает человечество к бдительности – «научиться проявлять здоровый скептицизм в отношении тех, кто следует за политическими лидерами, руководствуясь «верой».

Но и сам Лоуренс Рис, как один из столпов английской исторической школы, не сумел в полной мере избавиться от безоглядной «веры» в западные ценности и следования идеологическим стереотипам.

Вторая мировая война в контексте книги представляется как «эпическая борьба между нацизмом и коммунизмом». В такой подаче материала невольно происходит смещение акцентов на исключительно идеологические, уходит в тень захватнический, несправедливый характер войны. Все несколько упрощенно сводится к борьбе двух зол между собой. И значит, победа в такой войне может восприниматься как торжество одного из них. Из всех последствий войны как ключевые, судьбоносные выделены: продвижение коммунизма на Запад («разделенная Германия», «советское господство в Восточной Европе») и последующее идеологическое противостояние двух систем (холодная война).

При чтении этой книги, как и при любом прикосновении к истории, необходимо сохранять объективность восприятия. Это не учебник истории, не выверенные энциклопедические сведения, это еще одно видение событий Второй мировой войны, одна из имеющих право на существование интерпретаций, в которой явно ощутима как горячая ненависть к нацизму, так и рефлекторная боязнь коммунизма. Позиция автора, старательно держащегося в тени документальных свидетельств, все же проявляется при внимательном прочтении, и в ней обнаруживается много оценок, не совпадающих с трактовкой исторических фактов в других источниках, в частности ставших для советского, российского читателя каноническими и хрестоматийными. В книге есть и вызывающие сомнения высказывания, и спорные утверждения, даже, пожалуй, некоторая тенденциозность в подборе материала. Один из активно используемых Лоуренсом Рисом приемов – множественное цитирование воспоминаний участников и оче-

видцев описываемых событий при почти полном отсутствии авторских комментариев. Такой подход позволяет автору, с одной стороны, демонстрировать беспристрастность подачи информации, предоставляя читателю возможность самому делать выводы и заключения. С другой стороны, завуалированно воздействовать на читателя, ведь их предстоит сделать на основании фактов, отобранных определенным образом. Большинство из цитируемых воспоминаний по отдельности не вызывают сомнений, но, сведенные вместе, в общей концепции книги они создают картину, в которой советский солдат и советский человек выглядят не совсем и не всегда так, как об этом свидетельствует общепринятая история Великой Отечественной войны.

Приступая к работе над книгой, мы всерьез задавались вопросом: «Нужно ли ее издавать у нас?» Ответ очевиден: если мы с уважением относимся к нашему читателю как способному самостоятельно воспринимать новую информацию, анализировать ее, видеть противоречия и давать им трезвую оценку, необходимо предоставить ему пищу для размышлений, инструменты для более полного восприятия реалий и фактов Второй мировой войны, понимания грандиозности масштаба подвига советского народа.

Мы помним эпоху тотальной цензуры и не хотим ее возвращения.

Сознательное умолчание фактов – преступление против памяти наших героических предков.

Данная книга не может быть отнесена к легкому развлекательному чтению.

Она требует решительности критического подхода, смелости суждений.

Эта книга для читателя вдумчивого, имеющего сложившиеся мировоззренческие фильтры и серьезный интерес к различным историческим и социальным концепциям, умеющего дать им личную оценку. Эта книга – уникальная возможность ознакомиться с одним из наиболее популярных в мире и активно тиражируемых первоисточников, пополнить свой багаж фактов и знаний, независимо и компетентно разобраться в принятой на Западе трактовке событий Второй мировой войны.

Введение

Только оглядываясь назад, ясно видишь истинные очертания жизни. Это столь же справедливо в отношении наших отдельных жизней, сколь и в отношении великих исторических событий. Я, например, представить себе не мог в начале 1990-х, приступая к работе «Нацисты: Предостережение истории», что она станет началом столь долгого пути. Ведь только в процессе работы над фильмом «Предостережение истории» я вполне осознал, какой обширный новый исторический материал сделался доступным в Восточной Европе после падения Берлинской стены. Именно это обстоятельство, а также крепнущее убеждение в отношении того, что невозможно переоценить важность войны Гитлера против Сталина в любой попытке понять образ мыслей нацистов, склонили меня сразу же взяться за другой проект. Поэтому еще несколько лет я писал сценарий, занимался производством и режиссурой фильма «Война столетия» об эпической борьбе между нацизмом и коммунизмом.

Какие очертания приобрела вся эта работа, стало для меня вполне очевидным только теперь. В то время я не видел этого столь ясно. Поэтому я особенно благодарен издательству *BBC Books* за то, что, переиздавая оригинальную работу «Нацисты: Предостережение истории», оно предоставило мне возможность включить в книгу также и большую часть «Войны столетия». Ибо я думаю, что материал «Войны столетия» – в частности, глава «Разновидности войны» – наглядно демонстрирует реальные последствия нацизма. Конечно, во время поездки по России, Белоруссии и Украине, слушая рассказы о нацистской оккупации, я имел возможность глубже вникнуть в сущность миропонимания Гитлера: унылый вид, где сострадание вне закона, а жизнь сводится к дарвиновской борьбе, в которой слабым надлежит страдать, потому что такова их судьба.

Конечно, при включении одной книги в другую, есть потенциальные сложности. Некоторые из них легко исправить – опасности повторения, например, – и я постарался отредактировать текст таким образом, чтобы не говорить дважды одно и то же. Я также обновил содержание в местах, где мое понимание с момента написания оригинального текста изменилось – это, в частности, касается раздела об истоках нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». Но при целенаправленном исследовании событий, главным образом, на Восточном фронте, отраженных в многочисленных свидетельствах русских ветеранов, может создаться опасное впечатление, будто бы война на Западе «не сыграла роли».

Я должен подчеркнуть, что такая точка зрения мне совершенно чужда. Я воспитывался на героических рассказах о жертвах британских и американских военнослужащих во Второй мировой войне. Мой отец был летчиком Военно-воздушных сил Великобритании. А мой дядя служил в конвоях на Атлантике и погиб, когда их корабль подорвало вражеской торпедой. Именно для того, чтобы полная картина борьбы западных союзников против нацизма была представлена максимально широкой аудитории, я задумал такие телесериалы, как «Битва за Атлантику» и «От дня высадки до Берлина», а затем как редактор следил за процессом их создания.

Но книга, которую вы держите в руках, о другом. В ней я пытался как можно глубже проникнуть в сущность нацизма. Это не история Второй мировой войны и не повествование обо всех значительных военных решениях в ходе конфликта. Это попытка понять, почему немцы и их союзники совершили то, что они совершили. Именно для достижения этой цели – и только этой цели – я по необходимости, включал материалы из «Войны столетия».

Оглядываясь теперь на проделанную работу, я вижу еще один аспект, в свое время не вполне мною осознанный. Эти книги, а также связанные с ними телесериалы, были основаны примерно на сотне эксклюзивных интервью, многие из которых брались у бывших членов нацистской партии. У меня была возможность встретиться и расспросить людей, которые обо-

жали Гитлера, работали у Гиммлера, воевали на Восточном фронте и совершали зверства в рядах СС. Теперь такая возможность более не доступна для тех, кто придет после меня, – по той простой причине, что большинство людей, с которыми мы беседовали, уже умерли. В разгар процесса производства, когда нужно было вовремя подготовить материал к эфиру, книгу к печати, мне как-то не приходило в голову, что мы делаем нечто исключительно ценное для будущих поколений.

Конечно, с постепенным уходом живых свидетелей отношение к нацизму и Второй мировой войне также будет меняться. Для моего поколения единственным способом разобраться в мире, в котором мы росли, было знать, что произошло во время Второй мировой войны. Разделенная Германия, холодная война, советское господство в Восточной Европе – последствия того конфликта составляли окружающую нас действительность. Но для сегодняшних школьников все совсем иначе. Вспоминаю, дочь одного друга спросила меня, когда ей было семь лет: «Что было раньше: Адольф Гитлер или битва при Гастингсе?» Для ее поколения нацизм – это просто еще один раздел истории, часть огромной мозаики, которую нужно уложить вместе с римлянами, норманнами и Генрихом VIII.

Думаю, вас не удивит, что, с моей точки зрения, Третий рейх – это отнюдь не «просто еще один раздел истории». Я считаю, что изучение нацизма по-прежнему предоставляет нам некий уровень проникновения в состояние общества, которое совершенно отличается от преимуществ понимания некоторых других периодов прошлого. Начать хотя бы с того, что нацисты ходили по этой земле не так уж давно. Они пришли из цивилизованной страны во времена, когда, вслед за Первой мировой войной, в Европе возобладали целый ряд положительных ценностей и представлений о демократии и правах человека. Они все это растоптали, как только достигли власти, в результате ряда выборов, показавших, что большинство немцев, голосуя либо за коммунистов, либо за нацистов, в итоге голосовали против демократии. Учитывая, что в сегодняшнем мире так много очень юных демократий, это серьезный призыв к бдительности.

И есть еще один, даже более важный, урок, который мы должны извлечь из этой истории. Занявшись данной темой много лет назад, я ожидал встретить множество бывших нацистов, которые скажут: «Я совершал военные преступления лишь потому, что выполнял приказы». Однако, если надавить на бывшего нацистского преступника, он с большей вероятностью ответит: «Я тогда считал, что поступаю правильно». И этот ответ пугает гораздо больше, чем заявления о тупом повиновении, которых я ожидал. Бывшие нацисты верили, что их поддержка Гитлера была вполне обоснована конкретными обстоятельствами тогдашнего времени. Они рассказывают о том, какое унижение испытывали от Версальского соглашения в конце Первой мировой войны, а затем в послевоенные годы им пришлось пережить революции и гиперинфляцию, а в начале 1930-х – массовую безработицу и банкротства. Они мечтали о «сильной личности», которая восстановит национальную гордость и победит растущую угрозу коммунизма.

С годами, встречая в работе над фильмами бывших нацистов, я стал понимать, что есть еще иное измерение в их поддержке Третьего рейха, вообще не являющееся «рациональным». Это измерение эмоциональное, основанное на вере. Такое квазирелигиозное измерение нацизма вполне очевидно, и я подробно рассказываю о нем в первой главе книги. Но нам следует также признать, что Гитлер, как политическая фигура, давал этим немцам нечто такое, чего не могли дать другие политические лидеры. Гитлер практически никогда не говорил о таких скучных вещах, как «политическая линия». Вместо этого он предлагал руководство, основанное на видениях и мечтах. Благодаря этому ему удавалось задевать нечто такое, что покоится в глубине человеческой психики. Джордж Оруэлл упоминает об этом в своей знаменитой рецензии на «Майн кампф» Адольфа Гитлера: «...людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о бара-

банах, флагах и парадных изъявлениях преданности»¹. Многим людям также – думаю, Оруэлл согласился бы – нравится представлять себя «высшими» по рождению и сознавать, что катастрофические события в их стране происходят не по их собственной вине, а в результате темного «международного заговора».

Полагаю, что, приступая к данному проекту, во многих отношениях я был очень наивен в понимании человеческих мотивов. Мне казалось, что люди принимают важные решения относительно своей жизни, основываясь на рациональных разумных критериях. На самом же деле решение идти за Гитлером и поддерживать его при любых обстоятельствах в значительной степени бывало скорее эмоциональным. И нам не следует рассматривать это как некую специфически «немецкую» черту. Оглянитесь на собственную жизнь и спросите себя: часто ли ваши решения бывали действительно «рациональными». Рациональным ли было ваше решение купить дом или машину, которую вы выбрали? А ваше расположение к одним людям и неприязнь к другим – в основе своей они имеют «рациональные» или «эмоциональные» причины?

И несмотря на всю работу, проделанную историками-структуралистами на протяжении последних лет, выявляющую все специфические обстоятельства возникновения нацизма, мы вынуждены признать неприятный факт: Адольф Гитлер был неординарной личностью, которая успешно использовала чувства немцев. Конечно, его влияние распространялось преимущественно на тех, кому хотелось верить в то, что он утверждал – тому приводится много личных свидетельств в этой книге, – и потребовался экономический кризис (который он не контролировал), чтобы вытолкнуть его на вершину власти. Но суть в том, что для множества людей, даже в ранние годы становления нацизма, встреча с Гитлером стала событием, изменившим их жизнь. Показательно свидетельство Альберта Шпеера, который утверждает, что после встречи с Гитлером он жил на «высоком напряжении», а ведь он не единственный человек с большим интеллектом, почувствовавший необходимость подчинить себя воле австрийского капрала. Эта история учит нас, что харизма (умение снискать популярность в массах) – это свойство, к которому следует относиться с подозрением. А также нам следует научиться проявлять здоровый скептицизм в отношении тех, кто следует за политическими лидерами, руководствуясь «верой».

И наконец, есть еще одна всеобъемлющая причина, заставляющая меня думать, что эта история остается актуальной. Как я уже писал в завершении короткого предисловия к «Войне столетия» шесть лет назад: «...это отнюдь не счастливая история, и она не слишком утешительна. Но ее следует изучать в школе и помнить. Потому что на это оказались способны люди в двадцатом веке».

Лоуренс Рис

Лондон, октябрь 2005 г.

¹ George Orwell. Hitler. Первая публикация: *New English Weekly*. – Лондон 21 марта 1940 г. Перевод с английского: А. Шишкин. Публикация перевода: сборник «Джордж Оруэлл: “Скотный Двор: Сказка”. Эссе. Статьи. Рецензии». – Изд. «Библиотека журнала “Иностранная литература”». – 1989. С. 75–79.

Глава 1

Путь к власти

В лесу возле города, который в прошлом был восточнопрусским городом Растенбург, а сегодня является польским городом Кентшин, можно увидеть бесформенную грудку железобетона. Сегодня трудно представить себе местность более отдаленную от центра власти, чем эта глухая часть Восточной Польши у границы с Россией. Но если бы вы очутились на этом месте осенью 1941 года, то оказались бы в центре управления одного из наиболее могущественных людей в истории – Адольфа Гитлера. Его солдаты уже стояли на берегах французской Бретани и топтали пшеничные поля Украины. Более 100 миллионов европейцев, которые еще несколько месяцев назад жили в независимых государствах, уже находились под его властью. В Польше полным ходом разворачивалось одно из самых варварских в мире переселений народов. И, преступив границы мыслимого зла, Гитлер вместе с Генрихом Гиммлером уже планировали уничтожение целого народа – евреев. Решение, которое Гитлер принимал в этом ныне лежащем в руинах бетонном городе, коснулось жизни каждого из нас и определило ход событий второй половины двадцатого столетия, причем к худшему.

Как же стало возможным, что культурная нация, в самом сердце Европы, позволила прийти к власти этому человеку и нацистской партии, которую он возглавлял? Зная о страданиях и разорениях, которые нацисты принесли человечеству, сейчас кажется почти непостижимой мысль о том, что Адольф Гитлер стал канцлером Германии в 1933 году вполне конституционным путем.

Одно из широко распространенных объяснений того, как нацисты достигли власти, основывается на характере Гитлера. Ни одна из реальных исторических личностей не обсуждалась так широко; например, биографий Гитлера в два с лишним раза больше, нежели биографий Черчилля. Сами нацисты, объясняя собственный успех, доходили в своих биографических исследованиях до крайностей. Сторонники Гитлера в нацистской партии пришли к заключению, что он не простой смертный, а сверхчеловек. «Гитлер одинок. Как Бог. Гитлер как Бог»¹, – сказал Ганс Франк, рейхсминистр юстиции, в 1936 году. Юлиус Штрайхер, нацист с особой любовью к преувеличениям, шагнул еще дальше: «Христос и Гитлер выдерживают сравнение только в одном или двух исключительных моментах: Гитлер – слишком великий человек, чтобы сравнивать его со столь незначительной личностью»². А в 1930-х годах в немецких детских садах появилась новая молитва: «Дорогой Фюрер, мы любим тебя, как папу и маму. Так как мы принадлежим им, так мы принадлежим и тебе. О Фюрер, прими нашу любовь и веру!»³

Вот еще одно из объяснений прихода нацистов к власти, которое нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс хотел внушить всему миру. Он лично спрашивал Гитлера после того, как прочитал «Майн кампф»: «Кто этот человек? Наполовину плебей, наполовину бог! Воистину Христос или всего лишь Иоанн Креститель?»⁴ Согласно нацистской версии истории, Гитлер, избранник судьбы, пришел к власти в Германии во многом так же, как две тысячи лет назад Христос пришел спасти мир. В обоих случаях их успех был предопределен их сверхчеловеческой судьбой. Это объяснение, хоть обычно и не в такой крайней форме, в некоторых кругах до сих пор остается популярным объяснением того, как нацисты пришли к власти. Это совпадает с желанием многих людей понять прошлое просто в понятиях истории «великих людей», которые кроют мир по своей воле, невзирая на обстоятельства вокруг них. Но с этим объяснением, как ответом на вопрос: «Каким же образом нацисты пришли к власти?», есть просто одна загвоздка: такое объяснение ложное.

Ведь нацистская партия участвовала во всеобщих выборах в Германии в мае 1928 года. На тот момент Гитлер уже был лидером партии лет семь. И к тому моменту немецкий народ имел полную возможность лицезреть его сверхчеловеческие качества и попасть под его гипнотические чары. Но нет, на тех выборах нацистская партия завоевала ровно 2,6 процента голосов избирателей. В секретном правительственном докладе от 1927 года имеется выразительная, в контексте того времени, оценка нацистов. Согласно этому документу, «нацистская партия не имеет сколько-нибудь значительного влияния на большую часть населения»⁵. Таким образом, суждение о том, что Гитлер имел гипнотическое или почти божественное влияние на немцев, невзирая на обстоятельства, является чепухой. Безусловно, Гитлер был незаурядной личностью, и его воздействие на ход событий нельзя недооценивать, однако суть его характера не является достаточным объяснением ни появления нацизма, ни прихода нацистов к власти. Факт заключается в том, что Гитлер и нацисты просто в такой же степени зависели от условий своего времени, как и все мы. Независимо от того, кем был Гитлер, но только из-за коллаборационизма, слабости, просчетов и терпимости других нацисты и смогли прийти к власти. Несомненно, если бы не кризис, который потряс весь мир, нацистская партия вообще не смогла бы появиться.

Когда Германия капитулировала и в ноябре 1918 года закончилась Первая мировая война, в немецкой армии многие не могли понять, почему случилась эта катастрофа. «Мы и правда были поражены, – говорит немецкий ветеран войны Герберт Рихтер, – потому что совершенно не чувствовали себя побежденными.

Войска на передовой не ощущали своего поражения, и мы были удивлены, почему прекращение военных действий произошло так быстро и почему мы так быстро оставили свои позиции, ведь мы же были на вражеской территории; все это нам казалось странным». Воспоминания Герберта Рихтера о своих чувствах и чувствах его товарищей по поводу капитуляции до сих пор отчетливы. «Мы были разгневаны, потому что не чувствовали, что у нас нет больше сил». И эта ярость имела свои опасные последствия.

Те, кто испытывал такие чувства, сразу же стали искать виновных во внезапном прекращении огня и в подозрительных для них условиях перемирия. Распространился миф об «ударе ножом в спину» – мол, пока немецкие солдаты жертвовали жизнями в окопах, другие, в тылу, на родине, предавали их. Кто были эти «другие»? Это были левые, левые политики, так называемые ноябрьские преступники, которые согласились с унижительным перемирием 1918 года. Германия в конце 1918 года впервые в своей истории обратилась к демократии. И политикам стало понятно, что продолжение войны бессмысленно, что Германия войну проигрывает. Но многие солдаты смотрели на это иначе: им обстоятельства поражения Германии в ноябре 1918 года принесли только позор и бесчестие.

В Баварии, части южной Германии, это чувство предательства особенно сильно ощущалось многими солдатами, вернувшимися из окопов, и гражданскими правых политических взглядов. Мюнхен, столица Баварии, в 1919 году пребывал в состоянии хаоса. В феврале был убит политик-социалист Курт Эйсер². Это убийство привело к массовым беспорядкам и имело значительные политические последствия. В апреле 1919 года была образована недолговечная Баварская советская республика (*Bayerische Räterepublik*), а затем создано правитель-

² Курт Эйсер (1867–1919) – деятель германского рабочего движения, журналист, первый премьер-министр Баварии. 7 ноября 1918 г. возглавил революционную борьбу в Мюнхене, был избран председателем Мюнхенского рабочего, солдатского и крестьянского совета, а 8 ноября, после провозглашения Баварской республики, стал премьер-министром республиканского правительства. По распоряжению Эйснера были опубликованы документы, доказывающие роль правительства Германии в развязывании Первой мировой войны, что вызвало ожесточенные нападки на Эйснера со стороны правых кругов, обвинивших его в получении денег от союзников для «организации» революции. 21 февраля 1919 г. по дороге в ландтаг, где Эйсер должен был объявить об отставке правительства, поскольку по результатам февральских выборов его политическая сила получила незначительное количество мест в парламент, он был застрелен молодым немецким националистом графом Арко-Вели. Смерть Эйснера нарушила хрупкое равновесие сил.

ство, возглавленное коммунистами. 1–2 мая вооруженные силы правых, состоящие из частей германских войск и отрядов фрайкора (*Freikorps*)³, взяли Мюнхен, жестоко подавив сопротивление коммунистов и устроив массовый террор. Сам факт существования этого последнего возглавляемого коммунистами мюнхенского правительства ясно показал многим в этой традиционно консервативной части Германии, что их страх перед коммунистами был небезосновательным. «Да здравствует мировая революция!» – такими словами заканчивается одна из брошюр Коммунистической партии Германии того периода – одно из многих творений агитационной продукции, которая питала паранойю правых и создавала атмосферу, в которой могли процветать радикальные партии, противостоящие коммунистам.

Была еще одна, более зловещая причина, по которой Баварская советская республика произвела такое устойчивое впечатление на сознание правых. Большинство лидеров этого переворота левых были евреями. Это способствовало обострению предубеждения, что за всем злом и несправедливостью в Германии стоят евреи. Распространялись слухи о том, как евреи уклонялись от службы в армии и что не кто иной, как еврей в правительстве – Вальтер Ратенау⁴, – тайно способствовал столь унижительному перемирию. Да и сейчас, согласно нагроможденной лжи, немецкие евреи продавали страну в рамках всемирного заговора, организованного международным еврейством.

По иронии судьбы эта ложь была действительна именно потому, что в Германии тогда жила всего лишь горстка евреев. В июне 1933 года их насчитывалось только 503 000, какие-то 0,76 процента населения; и, в отличие от еврейского населения других европейских стран, таких как Польша, они были относительно ассимилированы. Парадоксальным образом это сыграло на руку немецким антисемитам, поскольку при отсутствии большого количества евреев во плоти и крови мог распространяться фантастический образ еврейства, в котором евреи воплощали все, что не нравилось правым силам в послевоенной Германии. «С политической точки зрения многим людям было очень легко сосредоточить свое внимание на евреях, – говорит профессор Кристофер Браунинг. – Еврей стал символом левого политика, капиталиста-эксплуататора, разного рода авангардного эксперимента в культуре, секуляризации – всего того, что вызывало неприятие у довольно широкой консервативной части политического спектра. Еврей стал идеальным политическим раздражителем».

В течение сотен лет немецкие евреи были жертвами предрассудков и не допускались во многие сферы общественной жизни. И лишь только во второй половине XIX века им было разрешено владеть землей и возделывать ее. Германия после Первой мировой войны оставалась страной, где антисемитизм все еще был обычным явлением. Ойген Левине, немецкий еврей, выросший в Берлине в 1920-е годы, страдал в детстве лишь из-за того, что был евреем. До четырех или пяти лет он играл с другими детьми нееврейского происхождения. А затем, когда вернулись домой их старшие братья, сверстники стали говорить ему: «Грязный еврейчик, тебе нельзя здесь играть, уходи». «Другие дети были тихими, – говорит Ойген Левине, – но эти мальчики уже были полны духом антисемитизма. Однажды один из старших мальчиков избил

³ Ф р а й к о р ы – полувоенные добровольческие формирования крайне правого, реваншистского толка, действовавшие в Германии в первые годы Веймарской республики. Многие бойцы этих формирований впоследствии стали активными членами нацистского движения.

⁴ Вальтер Ратенау (1867–1922) – германский промышленник еврейского происхождения, министр иностранных дел Германии. В июле 1919 г. Ратенау был назначен экономическим советником германского канцлера и официальным представителем Германии на переговорах с Францией о репарациях. В мае 1921 г. Ратенау получил портфель министра восстановления, а в феврале 1922 г. – министра иностранных дел в правительстве канцлера К. Й. Вирта. На обоих этих постах он настаивал на честном выполнении Германией подписанных ею обязательств, в том числе касающихся репараций странам Антанты. Эта политическая линия вызвала ярость крайних шовинистов, мечтавших о реванше, и кампанию открытых угроз и подстрекательств в адрес Ратенау. Крупнейшее дипломатическое достижение Ратенау, подписавшего в апреле 1922 г. в Рапалло договор с Советской Россией, который покончил с внешнеполитической изоляцией Германии, не предотвратило выполнения этих угроз – 26 июня он был убит по дороге в свое министерство членами подпольной террористической антисемитской организации «Консул».

меня, ведь шестилетнему ребенку не по силам тягаться с четырнадцатилетним». Помимо этого жестокого случая он испытал на себе проявление антисемитизма в виде довольно странного ритуала: «В любой новой школе на первой утренней перемене ты получал тумака, потому что ты – еврей; а затем все наблюдали, на что ты способен, и ты вынужден был драться. И если ты давал сдачи – тебе не нужно было даже побеждать – если ты давал должный отпор, они оставляли тебя в покое».

Однако нужно стараться избегать однозначных оценок. Поскольку всем известны реалии Освенцима, легко прийти к заключению, будто бы в то время Германия была единственной страной, где процветал антисемитизм. На самом деле это было не так. И хотя антисемитизм существовал, но обычно, по словам Ойгена Левине, «это не было проявлением того антисемитизма, который склонял людей поджигать синагоги». Зная, что случилось в Германии при нацистах, трагичным является факт, что после Первой мировой войны какое-то количество евреев бежало из Польши и России в Германию с целью укрыться от антисемитизма, процветающего в тех странах. «Восточные евреи», как правило, были менее ассимилированы, чем другие немецкие евреи, и поэтому вызывали больше проявлений антисемитизма. Детство Бернда Линна, который впоследствии стал офицером СС, прошло в Германии в начале 1920-х годов, и его антисемитизм питался тем, что он воспринимал, как «чуждое» поведение «восточных евреев» в отцовской лавке: «У нас было много покупателей евреев. Они слишком много себе позволяли. В конце концов, они ведь были у нас гостями, но не вели себя надлежащим образом. Разница была слишком очевидной между ними и евреями, давно здесь осевшими, с которыми у нас были хорошие отношения. Ведь все эти приехавшие сюда восточные евреи вообще не ладили с живущими здесь западными евреями. Их манера держаться у нас в магазине все более увеличивала мое неприятие их». Бернд Линн радостно признался нам, что ребенком швырял петардами в евреев на школьной площадке, а еще они с одноклассниками придумали такое развлечение (это ему нравилась больше всех) – бросать евреям в почтовые ящики нарисованные «билеты в Иерусалим в один конец».

Фридолин фон Шпаун сразу после Первой мировой войны был уже достаточно взрослым, чтобы вступить в один из отрядов фрайкора. Как и Бернд Линн, он также поддерживал нацистскую партию и тоже имел личные претензии к евреям. «Если бы евреи несли нам что-то хорошее, все было бы нормально, – говорит он. – Но они нас надували. Они сколачивали состояние, а потом объявляли себя банкротами и исчезали с набитыми карманами. Поэтому я считаю вполне естественным широкое распространение антиеврейских настроений». Фридолин фон Шпаун продолжает без капли иронии: «В течение жизни и, еще даже будучи ребенком, я много сталкивался с евреями и должен выразить им личный упрек: ни один из тех, кого я встретил, не стал моим другом. Почему? Не по моей вине. Я ничего против них не имел. Я всегда отмечал, однако, что они лишь используют меня. И это – раздражало. Так что я не антисемит. Я просто их не понимаю».

На все эти высказывания Ойген Левине реагирует достаточно откровенно: «Я не могу особо возмущаться тем, что есть абсолютно не обоснованным. Назвать это несправедливостью означает придавать этому слишком много значения. Ну разве это не говорит об их заблуждении? Когда два человека совершают одну и ту же ошибку и один из них еврей, тогда они говорят: кто же это, как не еврей? Что ж, это для них типично – чего еще можно ожидать. Проклятый еврей». А если это англичанин, то вы говорите: «Странно, это не свойственно англичанам». В конце концов, существуют сотни анекдотов об этом самом отношении. О том, как говорят антисемиты: «Вот еще одно надругательство со стороны евреев, не считая того, что вы, евреи, потопили “Титаник”. А еврей отвечает: “Позвольте, это же смешно. “Титаник” потопил айсберг”. А тот говорит: “Айсберг, Гринберг, Голдберг, все вы, евреи, одинаковы”».

Вот в условиях такой общественно-политической ситуации 12 сентября 1919 года тридцатилетний ефрейтор немецкой армии по имени Адольф Гитлер пришел на заседание Немец-

кой рабочей партии (Deutsche Arbeiterpartei, DAP) в Зале ветеранов войны в пивной «Штернекерброй» (Sterneckerbräu) в Мюнхене. Его туда послал капитан Карл Майр, начальник отдела агитации Баварского командования рейхсвера, с целью разнюхать, что это за партия. На этом заседании Гитлер, взволнованный речью некоего лектора, который призывал к отделению Баварии от Германии, разбил его аргументы, продемонстрировав блестящие ораторские способности. Слесарь Антон Дрекслер, который основал эту правую партию около девяти месяцев назад, сразу же пригласил Гитлера в нее вступить.

Кто же был этот человек, который в тот вечер в пивной «Штернекерброй» начал свой путь в историю? В течение первых тридцати лет он ничем не выделялся, разве что только своими странностями. Плохо учился в школе, провалился при поступлении в Академию изобразительных искусств в Вене; его единственным успехом в жизни была солдатская служба в годы Первой мировой войны, когда за отвагу он был награжден Железным крестом первой степени.

Сведения о жизни Гитлера до его появления на заседании в пивной «Штернекерброй» отрывочны. Одним из основных источников является его собственный рассказ от 1924 года в «Майн кампф». Здесь он пишет, как перед Первой мировой войной, гуляя по Вене, «я начал пристально присматриваться к евреям... И чем больше я приглядывался к ним, тем рельефнее отделялись они в моих глазах от всех остальных людей... Разве есть на свете хоть одно нечистое дело, хоть одно бесстыдство какого бы то ни было сорта, и прежде всего в области культурной жизни народов, в которой не был бы замешан по крайней мере один еврей?» Эти знакомые слова подтверждают идею, которую Гитлер хотел нам навязать, что вот человек, который с самого начала утвердился в своем антисемитизме. Но так ли это? Недавно доктором Бриджит Хаман была написана одна из наиболее интересных работ о венском периоде жизни Гитлера. Она поставила перед собой задачу до мельчайших подробностей проверить личные данные людей, с которыми Гитлер контактировал в мужском приюте, где временно проживал. Выводы оказались поразительными: «Картина венской жизни, которую Гитлер рисует в “Майн кампф”, не точна. Он утверждает, что стал антисемитом в Вене, но при тщательной проверке данных того времени, можно убедиться, что, напротив, он подружился со множеством, с невероятным множеством евреев, как в своем приюте, так и через посредников, которые продавали его картины». Она установила также, что ни один из массы евреев, с которыми у Гитлера были замечательные отношения в его венский период жизни, не упоминал, чтобы Гитлер проявлял антисемитизм в тот период до 1913 года. Напротив, говорит доктор Хаман, Гитлер предпочитал продавать свои картины еврейским посредникам, «поскольку они не боялись рисковать»⁶.

Это важное открытие. Оно указывает на тот факт, что Гитлер хотел, чтобы мы поверили в его, полубожественную сущность, сам не будучи в ней уверенным. На самом деле его, как и любого другого, вынесли на поверхность конкретные обстоятельства. По мнению доктора Хаман, в Вене Гитлер «не причинял никому зла. Он был законопослушным гражданином, рисовал, чтобы свести концы с концами, сравнительно неплохие рисунки. Был безобидным человеком». События, превратившие этого «безобидного человека» в Гитлера, которого узнала история, были теми же, что нарушили покой всей Германии – Первая мировая война и ее незамедлительные последствия. Для того чтобы придать какой-то смысл новым обстоятельствам своей жизни, Гитлер, согласно утверждению доктора Хаман, вспомнил предсказания неистовых австрийских антисемитов и сам начал следовать их примеру.

Для политической философии Гитлера вообще характерны заимствования. Большую часть своих аргументов он попросту украл у других. Но, наверное, он знал, что «великий человек» не ворует идеи. И это склонило его заявить о зарождении своего чудовищного антисемитизма в Вене, а не выводить его из общего чувства ненависти и ощущения того, что тебя предали, испытываемого миллионами людей в 1918–1919 годах.

Гитлер фальсифицировал данные о начале своей политической деятельности также и другими способами. Когда он приобрел известность, то хотел показать, будто бы он был одним

из первых членов Немецкой рабочей партии – партийный билет номер семь. О том, что Гитлер имел партбилет под номером семь, поведали нам несколько старых нацистов, гордые тем, что фюрер стоял у самых истоков нацистской партии, руководя ее деятельностью с начала ее существования. Но это неправда. Антон Дрекслер направил Гитлеру в январе 1940 года жалобу: «Мой фюрер, никто лучше вас самого не знает, что вы никогда не были седьмым членом партии, в лучшем случае – седьмым членом комитета, когда я попросил вас войти в его состав как агитатора. Несколько лет назад, на партийном собрании, я был вынужден выразить недовольство по поводу того, что ваш первый билет члена Немецкой рабочей партии, с подписью Шюсслера и моей, был фальсифицирован: номер 555 был вытерт и вместо него проставлен номер семь⁵. Ведь насколько лучше и ценнее было бы для потомства, если бы исторические факты были представлены такими, какими они были в действительности»⁷.

Однако в течение 1919 года Гитлер обнаружил в себе подлинный и незаурядный талант – дар публичных выступлений. Какую же силу имела его подстрекающая толпу речь, в которой он проводил различие между двумя крайне правыми партиями, если Немецкая рабочая партия начала так заметно пополнять свои ряды! Одним из первых присоединившихся был Эрнст Рем, капитан рейхсвера (немецкой армии), который быстро осознал привлекательность личности Гитлера для толпы. Рем был человеком действия. «Поскольку я человек незрелый и слабый, – говорил он, – то война и бунт привлекают меня больше, чем буржуазный порядок»⁸. Партия, та, которую строил Гитлер, знала, как использовать головорезов вроде Рема. «Грубость уважают, – заявил однажды Рем. – Людям нужен основательный страх. Им нужно чего-то бояться. Они хотят, чтобы кто-то подавлял их страхом и добивался от них покорности»⁹.

В течение двух лет пребывания в Немецкой рабочей партии Гитлер стал самым ценным ее приобретением. Его речи привлекали новых членов, а его личность определяла характер партии. В борьбе за власть в партии в августе 1921 года Гитлер вышел победителем, утвердившись как ее абсолютный лидер, а партия получила новое название – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, или, коротко говоря, нацистов (изменение названия партии произошло в феврале 1920 года в стремлении апеллировать как к националистам, так и к социалистам). Поначалу партия уделяла внимание не столько деталям политических манифестов, сколько эмоциональной приверженности, отвергая демократию и проповедуя революцию. «Я вступил в партию, потому что был революционером, – говорил позже Герман Геринг, – а не из-за какой-нибудь идеологической чепухи»¹⁰. Задача партии была и оставалась предельно ясной – исправить несправедливости, причиненные Германии в конце Первой мировой войны, наказать ответственных за это зло и «уничтожить марксистское мировоззрение».

В рамках этой общей политики нацистская партия, в своем зародышевом состоянии, не отличалась от массы других мелких крайне правых групп, которые расцвели в мутных водах послевоенной политики в Южной Германии. Первая программа партии, представленная 24 февраля 1920 года, была скорее смесью невыразительных экономических обещаний, направленных на защиту среднего класса и мелкого предпринимательства, вкупе с четким обязательством лишить евреев полноценного немецкого гражданства. Этим нацистская партия не выделялась из ряда других. Напротив, ее опубликованная программа действий не предлагала ничего, что не предлагали бы другие крайне правые группы того времени. В *Marktbreiter Wochenblatt*, партийной газете Немецкой Лиги защиты и сопротивления, появилось такое заявление: «Совершенно необходимо убивать евреев»¹¹. В другой брошюре писалось: «Что нам

⁵ В действительности № 555 был выдуманной цифрой: для солидности к подлинному номеру слева приписывалась цифра 5. Таким образом, на деле Гитлер был 55-м членом нацистской партии. Цифра 7 возникла потому, что он стал 7-м членом руководящего комитета партии.

делать с евреями? Не нужно бояться лозунга “Нет воинствующему антисемитизму!””, поскольку только насилием можно изгнать евреев»¹².

Символы молодой нацистской партии были столько же неоригинальны, сколь и ее идеология. Свастика была уже популярна среди других немецких политических группировок еще до того, как ею воспользовались нацисты. Череп со скрещенными костями, который станет символом на фуражках одиозных СС, раньше использовался немецкой кавалерией. Даже римское приветствие взмахом протянутой руки было позаимствовано у фашистов Муссолини.

В одном отношении, однако, нацистская партия отличалась от других. Даже с учетом жестокости того времени движение с самого начала отличалось высокой степенью насилия. В 1921 году были сформированы штурмовые отряды на базе так называемого отдела гимнастики и спорта партии для защиты партийных собраний нацистов и разгона собраний партий соперников. Стычки нацистских штурмовиков и сторонников других политических партий станут характерной особенностью немецкой политической жизни до 1933 года.

Поскольку нацисты проповедовали, что именно они – это «избавление» Германии от ее проблем, судьба их партии зависела от степени трудностей, с которыми сталкивалась страна. Партия возникла благодаря несправедливости и ущемлению прав, которые ощутила страна в конце Первой мировой войны, и, соответственно, могла развиваться только в атмосфере политической нестабильности. Нацизм расцвел с усилением нового кризиса, охватившего также и Францию. Разгневанные неспособностью Германии выплачивать контрибуцию французы в начале 1923 года оккупировали Рур. Для страны и без того униженной позорным перемирием ноября 1918 года и жесткими условиями Версальского мирного договора это стало тяжелейшим ударом по честолюбию. Немецкое ощущение позора было усилено поведением французской армии на оккупированной территории. «Вот тогда-то мы узнали, что французы правят железной рукой», – сказала Ютта Рюдигер, женщина, ставшая позже во главе BDM (Союза немецких девушек) – аналога «Гитлерюгенда» для девушек. – Возможно, они просто желали мести. Мечь – это чувство совершенно мне незнакомое». Фрау Рюдигер затем добавляет свою оценку французов, более чем ироническую, с учетом того, что принес в дальнейшем нацизм. Но тем не менее вполне выразительную: «Но у французов ведь несколько иной характер, правда? Его, наверное, отличает легкий садизм».

Бернд Линн стал свидетелем французской оккупации Рура в пятилетнем возрасте. Когда французские солдаты маршировали по его улице, он стоял на тротуаре возле дедушкиного дома, одетый в детскую военную форму с детским ружьем в руках. «Я обернулся, и ко мне подошел француз. Он разоружил меня – наверняка игрушечное ружье нужно было ему для собственных детей. Я почувствовал сильнейшую обиду». Бернд Линн, у которого француз отобрал в детстве игрушечное ружье, позже стал полковником СС (Schutzstaffeln – изначально, в 1920-е, личная охрана Гитлера).

Рурский кризис совпал с усилением экономических проблем Германии, в частности с неудержимой инфляцией. «Я однажды заплатил 4 миллиарда марок за кольцо колбасы, – говорит Эмиль Кляйн, впервые принявший участие в гитлеровском митинге в 1920 году. – И этот упадок естественно способствовал росту гитлеровского движения, потому что люди говорили: «Так дальше продолжаться не может!» А затем постепенно стали распространяться разговоры о необходимости прихода сильной личности. И эти утверждения о сильной личности все время набирали силу, потому что от демократии толку не было».

В условиях политического кризиса, вызванного как французской оккупацией, так и немецкими экономическими трудностями, баварские власти правого толка вступили в конфликт с правительством Густава Штресемана в Берлине. Центральное правительство в Берлине пыталось заставить баварские власти подвергнуть цензуре нападки на Штресемана и его правительство со стороны нацистской газеты «Völkischer Beobachter» («Фелькишер беобахтер»). Густав фон Кар, провозглашенный комиссаром земли Бавария, отказался выполнить это

требование, как и командующий ее вооруженными силами генерал фон Лоссов. В атмосфере внутреннего конфликта Гитлер попытался взять в свои руки митинг в мюнхенском пивном зале «Бюргербройкеллер» (Bürgerbräukeller), где выступали и фон Кар, и фон Лоссов. Гитлер призывал к путчу (национальной революции) и свержению центрального правительства. На следующее утро с целью давления на Берлин путчисты организовали марш по Мюнхену. Эмиль Кляйн принял участие в этом нацистском марше. Рядом с ним были Гитлер, Геринг и Гиммлер. «Наш марш был блистательным в тот день, – вспоминает он с гордостью. – Но, когда мы повернули на Максимилианштрассе и когда я дошел до угла Резиденции (бывший дворец королей Баварии), мы услышали впереди выстрелы. Что происходит?»

Столкнувшись с выбором – поддержать вооруженную революцию или баварские власти, – полиция сделала четкий выбор не в пользу нацистов. Началась стрельба (не вполне ясно, кто ее начал – участники марша или полиция). Таким образом, мюнхенский марш путчистов закончился сценой насилия. «Если вы спросите меня, что я почувствовал тогда, – рассказывает Эмиль Кляйн, – я скажу, что это были первые в моей жизни политические эмоции. Все могло пойти не так. Само по себе это уже было ударом для меня и моих товарищей. То, что такое возможно». Гитлеру тоже предстояло вынести из этого определенный опыт. С этого времени нацисты пытались добиться власти в рамках демократической системы.

Тем временем Гитлер был арестован, и 26 февраля 1924 года его судили. Его обвиняли в государственной измене и доказательства против него были серьезными. Нацисты не только совершили вооруженное ограбление в ходе путча, но в результате вооруженного столкновения были убиты трое полицейских. Однако в отличие от других обвиняемых путчистов, таких как герой Первой мировой войны генерал Людендорф, Гитлер выступил в свою защиту и принял полную ответственность за свои действия. Его речи в суде, обращенные к судьям, принесли ему известность во всей Германии, и он впервые стал фигурой национального значения. «Господа, – обратился Гитлер к суду, – не вам судить нас, а вечному суду истории, который вынесет приговор обвинению, выдвинутому против нас... Вы можете тысячу раз признать нас виновными, но богиня, председательствующая в вечном суде истории, с усмешкой разорвет обвинение общественного прокурора и вердикт этого суда. Поскольку она оправдывает нас»¹³. Мужественные слова, но основанные на лжи. Большинство немцев не знали в то время, что, произнося свою речь, Гитлер имел все основания предполагать, что суд будет исключительно снисходителен к нему. О какой смелости может быть речь, когда человек знает, что он ничем не рискует. На суде над путчистами председательствовал Георг Найтхардт, тот самый судья, что и на другом, менее известном процессе в январе 1922 года. В тот раз подсудимые обвинялись в насильственных действиях, сорвавших собрание в пивном погребе «Левенбрау» в сентябре предыдущего года. Обвинения тогда были сведены к минимальным – нарушение общественного порядка, и приговор был минимальным – три месяца тюремного заключения. Однако Георг Найтхардт обратился в Верховный суд с просьбой смягчить и этот приговор, утверждая, что цель наказания может быть достигнута заменой заключения денежным штрафом. Среди обвиняемых на том суде был и Адольф Гитлер. Судья Найтхардт проникся к нему таким сочувствием, что уговорил начальство сократить для Гитлера приговор с трех месяцев заключения до одного с испытательным сроком. Теперь же Гитлер стоял перед тем самым судьей, прекрасно зная о его сочувствии делу нацистов. Именно в суде под председательством Георга Найтхардта Гитлер произнес свою страстную речь о «вечном суде истории». Неудивительно, что, придя к власти, нацисты отобрали почти все документы, касающиеся того первого судебного процесса, и сожгли их. Приговор же во втором знаменитом процессе был вполне предсказуемым: пять лет тюремного заключения – минимальный срок. Впрочем, что касается Гитлера, он вскоре досрочно вышел на свободу, с испытательным сроком.

В этом была немалая заслуга баварского правительства. В 1922 году в большинстве немецких земель нацистская партия была под запретом. Но не в Баварии: здесь нацизм испод-

тишка поощрялся. После осуждения за государственную измену Гитлер находился в заключении в относительном комфорте Ландсбергской тюрьмы, недалеко от Мюнхена, где он работал над своей книгой «Майн кампф».

Пока Гитлер находился в Ландсберге, нацистская партия раскололась на фракции. И только после его освобождения в декабре 1924 года (по отбытии менее чем девяти месяцев из назначенных приговором пяти лет) партию удалось снова сплотить. Баварские чиновники, как можно было и ожидать, действовали формально и позволили восстановление запрещенной после Пивного путча НСДАП, которое произошло 27 февраля 1925 года в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер». Однако теперь события в Германии развивались не в пользу нацистов. Гиперинфляция была остановлена, и будущее страны представлялось полным надежд. Середина 1920-х годов была в Веймарской республике так называемым «золотым» временем. Однако этот период расцвета финансировался в кредит – немецкое правительство выплачивало странам Антанты репарации, используя деньги, взятые в долг. Тем не менее на тот момент царил идиллия. Под солнцем благополучия нацизм не мог расцвести, и партия сократилась до небольшой группы фанатиков. Без питающего их кризиса нацисты были беспомощны. До конца 1920-х они оказались на периферии немецкой политической жизни.

Но именно в годы затишья партия выработала внутреннюю структуру той нацистской партии, которая в дальнейшем станет править значительной частью всей Европы. Гитлер исключительно упрочил свое положение в партии. Он легко избавился от небольшого внутреннего сопротивления абсолютной власти в 1926 году, попросту призвав членов партии к лояльности. Распад партии во время его вынужденного отсутствия показал, насколько важно для всего движения личное руководство лидера.

Нацисты не были политической партией в сегодняшнем понимании этого явления. Подробности нацистской политической программы почти не публиковались. Преданности фюреру (Гитлера к тому времени уже называли фюрером – вождем) и общей веры в цели движения было достаточно для доказательства преданности делу партии. То была партия не разговоров, а действий, не политики – а чувств. Доктрина партии взывала прежде всего к молодежи: исследования показали, что в тот период средний возраст тех, кто вступал в нацистскую партию, был до тридцати лет. Среди новообращенной молодежи был и двадцатипятилетний неудавшийся писатель Йозеф Геббельс. С нежностью оглядываясь на 1920-е годы, после того, как нацисты пришли к власти, он с чувством рассказывал молодым людям о тех годах борьбы: «Тогда появились молодые люди, которые написали на своем знамени слово «Рейх» вопреки ненависти, лжи и злобе. Они были убеждены, что проигранная война не является основанием для того, чтобы обрекать народ на вечное рабство».

«Это было прекрасно, – говорит Вольфганг Тойберт, вступивший в нацистский штурмовой отряд в 1920-е годы. – Нас объединяло чувство товарищества, взаимной поддержки, исключительно важное для молодых людей. По крайней мере, тогда так казалось». Людям вроде Тойберта, с гордостью носившим коричневые рубашки штурмовиков, партия предлагала прежде всего возможность почувствовать свою значимость. Несмотря на молодость, в такой форменной рубашке он чувствовал себя важной особой: «Мы шли маршем за флагом со свастикой через немецкие города. Все нерабочее время было заполнено только штурмовыми отрядами». Кроме того, был еще один фактор, возможно привлекательный для этих юнцов, – уличные стычки. «От других людей исходила опасность угрозы. Вечер за вечером мы все чаще обеспечивали защиту собраний не только в своем городе, но и в ряде других городов, усиливая тамошние штурмовые отряды. Мы не носили оружия и должны были защищаться собственными кулаками, как и атаковать в случае необходимости своих врагов. А необходимость такая чаще возникала, чем не возникала!» Тойберт и его товарищи из Бохумского штурмового отряда регулярно вступали в сражения с молодежью из коммунистической партии. «Мы раз-

бивали стулья в зале и дрались ножками от стульев. Такое случалось довольно часто, – улыбаясь Тойберт своим воспоминаниям. – Обе стороны так себя вели – и одни и другие».

Бруно Хенель вступил в нацистскую партию тогда же, но иным и тоже популярным путем – из «Вандерфогель», «фольклорной» группы, пропагандировавшей возвращение к природе и народным ценностям. По выходным молодые члены «Вандерфогель» путешествовали по сельской местности. Свое решение о вступлении в нацистскую партию герр Хенель относит к дискуссии, развернувшейся в молодежном общежитии в 1927 году. «Обсуждалась тема интернационализма, и среди прочего сказано было, что настоящий интернационалист должен приучить себя к мысли, что он может жениться на негритянке. Мне эта мысль показалась очень неприятной». Вместе с рядом других рассуждений это повлияло на решение Хенеля вступить в нацистскую партию. В частности, сыграли роль отрицательные чувства в отношении Версальского мира и «ноябрьских преступников» 1918 года. В итоге он стал ощущать острое неприятие любых международных движений, наподобие коммунистического. «Многие из нас попросту утверждали: “Мы прежде всего – немцы, – говорит герр Хенель, – и вот теперь появилась группа, говорившая: “Германия превыше всего”. Они пели: “Германия, пробудись!”»

Новообращенных типа Хенеля не смущало то обстоятельство, что они вступают в партию антисемитов. «Я помню часто повторявшиеся утверждения, что 50 процентов берлинских докторов – евреи, что 50 процентов берлинских адвокатов – евреи, и что вся берлинская и немецкая пресса находится в еврейских руках, и что с этим следует покончить». Молчаливо поддерживая эту антисемитскую идею в принципе, герр Хенель не имел сложностей с ее примирением с реалиями жизни собственной семьи: «У меня были родственники евреи, и мы встречались на семейных мероприятиях. У меня были очень теплые отношения с двумя кузинами-еврейками. Но это не мешало мне соглашаться с другими требованиями партии».

Для других молодых людей в то же время антисемитизм оказывался препятствием к вступлению в нацистскую партию. «Было что-то очень странное, – говорит Алоис Пфаллер, – в этом крайнем антисемитизме, согласно которому евреям приписывалась ответственность за любое зло. Я знаком был с евреями, среди них были друзья, с которыми я проводил время. И я совершенно не понимал, какая между нами предполагается разница – все мы люди... Я всегда отстаивал справедливость – то, что согласуется с честью и здравым рассудком, в этом была моя проблема, и я боролся с несправедливостью. Для меня речь не шла о преследовании других рас или других людей». Алоис Пфаллер не пошел в штурмовые отряды, однако в поисках радикального решения проблем своей страны он вступил в немецкую коммунистическую партию.

Гитлер видел в своей личности величайшую силу нацистской партии; он культивировал в себе манеры «великого человека», например, смотрел прямо в глаза любому, с кем разговаривал. Фридолин фон Шпаун вспоминает свою встречу с фюрером на партийной вечеринке: «Внезапно я заметил, что взгляд Гитлера остановился на мне. Я посмотрел на него. И это стало одним из самых странных моментов в моей жизни. Он не смотрел на меня с подозрением, но я почувствовал, что он каким-то образом меня изучает... Мне трудно было долго выдерживать этот взгляд. Но я подумал: мне не следует отводить глаза, иначе он подумает, будто я что-то скрываю. И тогда случилось что-то такое, что может оценить только психолог. Взгляд, сперва покоившийся только на мне, вдруг пронзил меня насквозь, устремившись куда-то вдаль. Это было так необычно. Долгий взгляд, которым он меня одарил, целиком убедил меня в благородных намерениях этого человека. Сегодня мало кто в подобное поверит. Скажут, я старею и впадаю в детство, но это не так. Он был феноменальной личностью».

Подобное впечатление Гитлер производил на многих других. Герберт Рихтер наблюдал, как Гитлер в 1921 году вошел в студенческое кафе за университетом. «На нем была рубашка с открытым воротом, и его сопровождала охрана из его последователей. Их было трое или четверо. И я заметил, как пришедшие с ним не могли оторвать от Гитлера глаз. В нем должно

было быть что-то, что очаровывало людей». Но что бы это ни было, на Герберта Рихтера оно не возымело действия. «Он начал говорить, и мне он сразу же не понравился. Конечно же я не представлял, чем он станет позже. Тогда он мне показался скорее комичным со своими забавными усиками. На меня он не произвел совершенно никакого впечатления. Ораторская манера Гитлера тоже не произвела желаемого эффекта. «У него был своеобразный скрипучий голос, – вспоминает герр Рихтер, – и он очень много кричал. Он кричал в маленьком помещении. И то, что он говорил, было чрезвычайно простым. Тут особо нечего было и возразить. Он в основном критиковал Версальский договор – мол, как следует его аннулировать».

Олдос Хаксли писал: «Пропагандист – это человек, который направляет в определенное русло уже существующий поток. В краю, где нет воды, он будет рыть напрасно». Гитлер не был исключением из этого правила. Людям, подобным Герберту Рихтеру, имевшим развитые политические взгляды, он казался комичным персонажем, повторяющим очевидное. Для тех же, кто предрасположен был к вере в подобные решения, он стал «феноменальной личностью». Слишком просто было все объяснять харизматичностью Гитлера и его ораторским талантом. Часто приходится слышать: «Он загипнотизировал нацию». Вовсе нет. Гипнотизер не произносит речей, которые убеждают лишь тех, кому хочется подобные вещи слышать. А именно так поступал Гитлер.

Нацисты гордились тем, что в их партии не применялись демократические принципы (в конце концов, разве не «ноябрьские преступники» принесли демократию, после позорного Версаля?). Над всей структурой партии возвышалась фигура Адольфа Гитлера. В отличие от других политических организаций, решения которых опирались на работу комитетов и политические дискуссии, в нацистской партии конечным арбитром выступал Гитлер – только он был способен принять окончательное решение. Даже в своей зародышевой форме руководимая диктатором партия могла бы развалиться под тяжестью всей работы, возлагаемой на плечи вождя. Однако же Гитлер не только не был завален задачами по принятию решений, но, парадоксальным образом, он вообще не особенно напрягался в отношении административной работы. Понимание причин этого парадокса помогает не только понять структурную организацию нацистской партии, но и ее привлекательность для молодежи. Гитлер во многом обосновывал свое понимание работы взглядами одного покойного англичанина, которые подсказывали ему, как руководить партией, – Чарлза Дарвина.

«Идея борьбы такая же древняя, как сама жизнь, – сказал Гитлер в своей Кульмбахской речи 5 февраля 1928 года. – В этой борьбе сильный, более способный, побеждает, а менее способный, слабый, проигрывает. Борьба – отец всему сущему... Человек живет и возносится над животным миром отнюдь не благодаря принципам гуманизма, а только посредством самой жестокой борьбы». Гитлер стремился применить теорию закономерностей естественного отбора и борьбы за существование, выявленных Чарлзом Дарвином в природе, к отношениям в человеческом обществе, к человеческому поведению. «Бог действует без разбору, – сказал он на обеде 23 сентября 1941 года. – Он в одночасье бросает на землю человеческие массы и представляет народам самим искать собственного спасения. Люди обируют друг друга, и можно заметить, что в конечном итоге всегда существует сильнейший. Разве это не самый разумный ход вещей? Если бы было иначе, ничего хорошего бы никогда не получилось. Если бы мы не уважали законы природы, навязывая свою волю по праву сильнейшего, настал бы день, когда дикие животные снова раздирали бы нас. – Тогда насекомые пожирали бы диких животных, и на земле не осталось бы ничего, кроме микробов»¹⁴.

Не следует удивляться в таком случае, что Гитлер руководил нацистской партией согласно теории социал-дарвинизма. Когда Густав Сейферт обратился в штаб-квартиру нацистской партии с просьбой подтвердить его назначение лидером Ганноверского отделения, он получил такой ответ, датированный 27 октября 1925 года, от Макса Аманна, редактора нацистской газеты «Фелькишер беобахтер»: «Герр Гитлер придерживается принципиального

взгляда, согласно которому “назначение” партийных лидеров не входит в задачи партийного руководства. Герр Гитлер сегодня более чем уверен, что наиболее сильным бойцом в национал-социалистическом движении является тот, кто сам завоевывает уважение и лидерскую позицию благодаря собственным достижениям. Вы в своем письме сами указываете, что почти все члены отделения вам привержены. Так почему же вам самим не захватить лидерство в отделении?» Почему бы не захватить? Какая рекомендация может быть привлекательней для молодого человека? Если тебе не нравится, измени. Не обращай к нам за приказами. Если ты сильнее своих врагов, ты победишь. Точно так же, если ты слабее своих врагов и проиграешь, значит, так и должно быть. Подобный ход рассуждений помогает понять странные выкрики Гитлера в конце войны, когда он заявлял, что Германия «заслужила» свою судьбу от рук Советского Союза.

Когда нацисты пришли к власти, пропагандистская кинопродукция Геббельса вдалбливала в головы ту же самую точку зрения – сильнейший должен выживать, а слабейший погибнуть. В одном из пропагандистских фильмов позднейшего периода ученые демонстрируют эксперимент со схваткой жуков-олень. Лаборант при этом высказывает свои сомнения относительно того, что он видит: «Как прискорбно, – говорит он профессору, – снимать этих восхитительных сильных животных во время смертельной схватки. Подумать только, что где-нибудь в лесу они могли бы жить спокойной жизнью». «Дорогой мой, – отвечает ему профессор, – нигде в природе нет такой вещи, как спокойная жизнь... Все живут в постоянной борьбе, в ходе которой слабый погибает. Мы рассматриваем эту борьбу как совершенно естественную. Но мы не считали бы естественным мирное существование кота с мышью или лисы с зайцем». Пытаясь понять идеологию нацизма, ни в коем случае не следует недооценивать значимость подобных взглядов. Нацистская идеология помещает человека в среду ценностей животного мира. Побеждающий в схватке бык *должен* победить, если он сильнее. Умиравший ребенок *должен* умереть, если он слаб. Если одна страна сильнее другой, она *должна* завоевать своего соседа. Традиционные ценности наподобие сочувствия или уважения законов – это всего лишь щиты, за которыми прячутся слабые, пытаясь защититься от судьбы, назначенной им законами природы (не случайно юристы и священники представляли две профессии, наиболее ненавидимые Гитлером). Нацисты были первой расистской партией, уверовавшей, что национальные государства наподобие отдельных личностей находятся в состоянии постоянной аморальной борьбы, решающей, кому управлять большей частью земли.

Однако, если бы Гитлер применил свою социал-дарвинистскую теорию к нацистской партии в 1928 году, он был бы крайне разочарован, поскольку на всеобщих выборах тогда нацисты собрали всего лишь 2,6 процента голосов. Германия не хотела их по той причине, что не видела в них необходимости на тот момент. Вскоре после выборов экономическое и политическое положение Германии радикально изменилось. Сначала страну охватила депрессия в сельском хозяйстве, а затем обвал на Уолл-стрит, после которого Соединенные Штаты Америки потребовали возвращения долгов, вызвал серьезнейший экономический кризис в Германии.

Стала расти безработица, и последствия этого явления были глубокими и горькими. «В те дни, – вспоминает Бруно Хенель, – наши безработные стояли в длинных очередях перед биржей труда каждую пятницу. И они получали по пять марок в окошке. Это была новая и совершенно другая ситуация – многим не хватало денег для того, чтобы купить еду». «Дело было безнадежное, – вспоминает Алоис Пфаллер. – Люди носили ложку в кармане, чтобы получить еду за одну марку (суп из благотворительной кухни)».

Страдания коснулись и среднего класса, к которому принадлежала семья Ютты Рюдигер: «Мой отец не потерял работу, но ему предложили работать за меньшую зарплату». Ютта Рюдигер думала, что ей придется попрощаться с мечтами об университете, однако помог ее дядя, предложивший помощь. Семьи, подобные Рюдигерам, не попали в статистику роста безработицы, однако они тоже страдали и боялись своей дальнейшей судьбы. Когда же безработица

в Германии в начале 1930-х годов достигла пяти миллионов, убежденность в необходимости радикального решения экономических проблем страны разделяли не только безработные – она распространилась также на миллионы семей среднего класса, подобных семье Рюдигеров.

Выборы в сентябре 1930 года стали прорывом для нацистской партии: за них проголосовало 18,3 процента избирателей. К вящему беспокойству тех, кто стремился жить без конфликтов, возросла также поддержка немецкой коммунистической партии – с 10,6 процента до 13,1 процента. Немецкая нация раскалывалась, тяготея к двум противоположным полюсам. Теперь, когда в рейхстаге широко представлены нацистская и коммунистическая партии, канцлер Германии Генрих Брюнинг, для того чтобы управлять страной, вынужден лавировать и издавать декреты о чрезвычайном положении, подписываемые согласно 48 статье Конституции президентом Гинденбургом. Немецкая демократия погибла не в одночасье с приходом Гитлера, она начала медленно умирать еще при Брюнинге.

Вместе с безработицей росло беспокойство в обществе. «Ты был обязан каждый день отмечаться в бюро по безработице», – вспоминает Алоис Пфаллер. Здесь встречались разные люди – нацисты, социалисты, коммунисты. Затем начинались споры и стычки». Габриель Винклер описывает жизненную перспективу молодой женщины: «Чувствуешь неловкость, когда переходишь улицу, чувствуешь неловкость, когда прогуливаешься по лесу, и так далее. Безработные валялись в канавах и играли в карты». В этой атмосфере опасности и безысходности Ютта Рюдигер впервые слушала речь Гитлера: «Собралась огромная толпа, и у тебя возникало такое чувство, что к нему был подведен электрический кабель. Сегодня можно это объяснить только бедностью, в которой прозябали люди в течение длительного времени. В этом контексте Гитлер со своими заявлениями, казалось, несет нам спасение. Он говорил: “Я выведу вас из этой нищеты, но все вы должны присоединиться к нашему движению”. И это понимали все».

В этот период нацисты развернули новые формы пропаганды, чтобы протолкнуть свои идеи. «Гитлер во главе Германии» – знаменитая президентская кампания, проводимая в апреле 1932 года, когда Гитлер выступил на двадцати одном митинге в течение семи дней, перелетая с места на место на маленьком самолете. Но значимость нацистской пропаганды не следует недооценивать. Научные исследования, проводимые доктором Рихардом Бесселем, показывают, что в районе Ниденбурга в Восточной Пруссии, в которой нацистская партия вплоть до 1931 года не выстроила прочную организационную базу, тем не менее численность избирателей нацистов за три года выросла. Если в мае 1928 года нацисты получили только 360 голосов (2,3 процента), то в сентябре 1930 года этот показатель вырос до 3831 голоса (25,8 процента). Избиратели Ниденбурга голосовали за нацистов не потому, что были очарованы Гитлером или одурачены пропагандой. Они голосовали за нацистов, потому что хотели коренных перемен.

Гитлер поддерживал стремление нацистов внести перемены в политическую жизнь Германии, как только они завоюют власть. В речи 27 июля 1932 года в Эберсвальде, в Бранденбурге, он открыто заявил о своем презрении к демократии. «У рабочих есть свои собственные партии, – заявил он, – одной было бы недостаточно. Должно быть по крайней мере, три или четыре. Буржуазия, будучи умнее, нуждается еще в большем количестве партий. Среднему классу нужна своя партия. Есть экономическая партия, у фермеров есть своя, и вот вам еще три или четыре партии. Домовладельцам тоже нужно, чтобы их политические и философские интересы представляла партия. Арендаторы конечно же тоже не могут оставаться в стороне. У католиков тоже своя собственная партия. И даже у жителей Вюртенберга есть особая партия – 34 партии в одной маленькой земле. И все это в то время, когда на наши плечи легла огромная задача, осуществимая только в том случае, если вся нация сумеет объединиться. Враги обвиняют нас, национал-социалистов, и меня, в частности, в нетерпимости и конфликтности. Они говорят, что мы не хотим сотрудничать с другими партиями... Это что же, так типично для

немцев, иметь тридцать партий? Я должен признать одну вещь: господа правы. Мы нетерпимы. Я поставил себе цель – очистить Германию от тридцати партий».

Эта речь иллюстрирует сущность происходившего – Гитлер и нацисты хотели коренных изменений в Германии, и они открыто заявляли о своих планах. В этом отношении у нацистов было нечто общее с Немецкой коммунистической партией: и те и другие считали, что демократия потерпела неудачу. Собственно говоря, демократия была относительно новым явлением в Германии. Ее наступление совпало с катастрофой заключения Версальского мира, и в начале 1930-х демократия представлялась многим причиной как необходимости выплаты разорительных контрибуций, так и массовой безработицы. Сегодня это может казаться невероятным, но в 1932 году большинство немцев поддерживали или коммунистов, или нацистов, голосуя за политические партии, которые открыто призывали к свержению демократии в Германии. Большинство избирателей, таким образом, чувствовали, что необходим приход не только новой партии, но и новой *системы*.

30 мая 1932 года, потеряв поддержку президента Гинденбурга, Брюнинг подал в отставку с должности канцлера. 1 июня канцлером был назначен аристократ Франц фон Папен, но его правительство сразу же столкнулось с проблемами. На выборах в рейхстаг, состоявшихся 31 июля, нацисты получили 37,4 процента голосов, и им досталось 230 мест. Они теперь стали наиболее широко представленной партией в рейхстаге. Гитлер заявил свое право на кресло канцлера. Президент Гинденбург отклонил его требование 13 августа 1932 года. Отто Мейснер, начальник канцелярии рейха, так описывал события: «Гинденбург заявил, что он признает патриотические убеждения и бескорыстные устремления Гитлера. Но с учетом атмосферы напряженности и его, президента, собственной ответственности перед Богом и немецким народом, он не мог бы прийти к тому, чтобы передать государственную власть единственной партии, не представляющей большинство избирателей, и которую к тому же отличает нетерпимость, недостаток дисциплины, а часто даже склонность к насилию. В иностранных делах очень важно сохранять крайнюю осмотрительность и позволить, чтобы вопросы, требующие разрешения окончательно созрели. Мы должны во что бы то ни стало избегать конфликтов с другими государствами. Что же касается состояния внутренних дел, то следует избегать обострения противостояния конфликтующих сторон, и все силы должны быть направлены на предотвращение экономического бедствия»¹⁵.

Зная о том, что произошло после достижения Гитлером власти, опасения Гинденбурга относительно нацистов оказываются пророческими. Со всей очевидностью пожилой президент вполне осознавал, какая опасность подстерегает Германию под властью Гитлера в роли канцлера. Поэтому иначе и быть не могло: политические требования Гитлера были решительно отвергнуты. Тем не менее всего лишь через пять месяцев, когда нацистская партия, взорванная внутренним кризисом, потеряла многие из голосов, на ноябрьских выборах в рейхстаг Гитлер был назначен канцлером по решению того самого президента Гинденбурга. Почему? Популярность нацистской партии, как кажется, достигла своего пика летом 1932 года. Поддержка партии была довольно непостоянной, и единство самой партии поддерживалось в большей степени эмоциями и харизмой ее вождя, чем четкими положениями программы или твердой политикой. Быстрый рост популярности партии был связан с кризисом, в котором оказалась Германия и который нацисты никоим образом не контролировали. Если бы Германия ощутила экономический подъем, успех нацистов очень быстро испарился бы. Следует заметить, что признаки улучшения экономического состояния уже появлялись, а политическое соглашение на Лозаннской конференции в июне 1932 года положило конец выплатам репараций Германией.

На ноябрьских выборах 1932 года количество голосов, отданных избирателями за нацистскую партию, упало с 37 до 33 процентов. Геббельс предвидел опасность, нависшую над партией, когда ранее, еще в апреле, записал в своем дневнике: «Мы должны прийти к власти в обозримом будущем. Иначе мы на выборах доголосуемся до смерти». Провал на

ноябрьских выборах 1932 года, как указывает доктор Бессель, произошел, несмотря на массивную пропагандистскую кампанию – еще одно доказательство того, что «судьба партии не в первую очередь определялась пропагандой»¹⁶. Партия и сама переживала финансовые трудности – бесконечные туры выборов опустошили источники ее финансирования. Хуже того, Грегор Штрассер, лидер северонемецкого крыла нацистской партии, отказался от своей должности, устроив при этом весьма эмоциональную сцену 7 декабря 1932 года. Штрассеру предложил пост вице-канцлера новый канцлер – генерал фон Шлейхер (который сменил фон Папена 2 декабря 1932 года), но Гитлер настаивал на том, чтобы тот отверг это предложение. Штрассер выполнил требование, но оставил политику, резко осудив настойчивость Гитлера в его стремлении к верховной власти в стране. Могло показаться, что Гитлер рискует утратить контроль над нацистской партией, теряющей свою устойчивость (Гитлер не простил Штрассеру этого «предательства», и тот был убит в «Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года).

Наряду с упомянутыми событиями произошел ряд других, которые убедили стареющего президента Гинденбурга изменить свое мнение и назначить Гитлера канцлером. В ноябре 1932 года Ялмар Шахт, бывший глава Рейхсбанка, был одним из группы финансистов и промышленников (хотя немногие в этой группе были столь же выдающимися фигурами), которые подписали обращение к президенту Гинденбургу с просьбой назначить Гитлера канцлером. Письмо было выдержано в уважительном тоне, но со всей очевидностью составлено под влиянием того факта, что на выборах в ноябре 1932 года отмечалось усиление успеха коммунистов. Большая часть немецкой промышленной элиты недолюбливала нацистов, но еще больше они боялись коммунистов. Ясно было также, что аристократичный кабинет министров фон Папена не вызывает особенной общественной поддержки. «Вполне очевидно, – говорилось в обращении, – что частые роспуски рейхстага с увеличивающимся количеством выборов и обостряющейся партийной борьбой отрицательно сказываются не только на политической, но также на экономической стабильности и устойчивости. Ясно также, что любые конституционные изменения, не поддерживаемые широкими народными массами, будут иметь еще худшие политические, экономические и духовные последствия. Далее послание призывало передать политическое руководство рейха «лидеру самой широкой национальной группы». Имелся в виду Гитлер. Такой ход действий «поднимет миллионы людей, сегодня стоящих на краю, превращая их в утверждающую и положительную силу».

Гитлер не относился к личностям, с которыми этим промышленникам ранее хотелось иметь дело. Но экономический кризис и мощная народная поддержка нацистского движения внушили им теперь необходимость достижения некоего соглашения. Ключевые фигуры консервативного правого крыла также стремились к авторитарному решению проблем Германии. Но без Гитлера ни одна их инициатива не нашла бы народной поддержки. Иоганн Цан, выдающийся немецкий банкир, говорит, что, поскольку молодые люди шли или в штурмовые отряды или в коммунисты, бизнесмены отдавали предпочтение нацистам за их «дисциплину и порядок». Кроме того, «поначалу, – говорит он, – сегодня обязательно нужно об этом сказать, поначалу невозможно было определить национал-социализм – это что-то хорошее с отрицательными побочными эффектами или что-то плохое с положительными побочными эффектами. Это невозможно было определить». Велись разговоры о стратегии «укрощения Гитлера». Таковую политику охотно предлагал фон Папен, когда его вынудили подать в отставку в пользу генерала фон Шлейхера 2 декабря 1932 года.

Затем Гинденбург получил другие тревожные новости. В начале декабря 1932 года, на заседании кабинета министров, обсуждались результаты армейских учений «Планшпиль Отт». Вооруженные силы изучали ряд гипотетических сценариев гражданских волнений в контексте способности сил безопасности ответить на такие события чрезвычайными мерами. Майор Отт представил следующие выводы: «...Были проведены все приготовления для введения, в случае соответствующего приказа, чрезвычайного положения. Но после тщательного изучения

вопроса было показано, что силы безопасности рейха и немецких земель не обладают достаточным потенциалом для поддержания конституционного порядка в случае необходимости противодействия национал-социалистам и коммунистам при одновременной охране границ»¹⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.